

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

4—5

1936 год
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД
ИЗДАНИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЗЕРБАЙДЖАН

СОДЕРЖАНИЕ:

РАССКАЗЫ:

Г. Мехти—Раскаяние
Сабит-Рахман—Нафаспули
Юрий Граня—Дружба
Л. Гурунц—Маро
В. Стройков—Усталость

СТИХИ:

Оратовский—Школа плавания
Вл. Байромия—Колыбельная
Граши—Хризантема
Фарун—Хлопок
Самвел—Биби-Эйбат
Раман Бфимов—практикантка

ИЗ НАСЛЕДИЯ КЛАССИКОВ:

Сабир—Бакинским рабочим

ЛЮДИ И ФАКТЫ:

М. Наиский—Когда цветет Мугань
М. Плещачевский—Бьют ключи.

СТАТЬИ:

В. Попов—Лучший талант. поэт нашей эпохи
С. Сергеев—О стихах Юрия Баласанова
С. Жудин—Заметки о философии фашизма
С. Майоров—На путях социалистич. реализма
Джангиров—„Макбет“ на тюркской сцене

ХРОНИКА

Обложка и иллюстрации
художника **Наранашева С.**

Адрес и телефон редакции и издательства:
Баку, ул. Фиолетова, 8. Телефон № 3-82-16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АССР

НАФАС ПУЛИ

(РАССКАЗ)

Опустошив коньячную бутылку, Аскер-Ага швырнул ее в противоположный конец сада. Медленно поднявшись, он оглянулся.

Издали послышался тихий стон.

Аскер-Ага обратился к постоянно находящемуся на выгоне, Аббас-Али.

— Аббас-Али! Я слышу какие-то звуки. Это журчит ручей или жужжат мухи?

Аббас-Али склонился к такому подобострастию, что Аскер-Ага расхохотался.

— Аббас-Али! Чем выгибать, как верблюд шею, лучше пошевеливать языком. Ручей журчит или мухи жужжат?

*) Налог за вдыхаемый воздух.

Аббас-Али побагровел:

— Ага! То голос нашей прислуги, — прошептал он робко.

— Вот молодец! Вот bravo! Эй, Аббас-Али! Молодчина! Что ты сделал, что она так стонет?

— Я прибил ее, Ага!

— Опять-таки молодец, опять-таки bravo! Побой смягчают нрав женщин. Ну, Аббас-Али, ступай принеси мне закусить. А то от коньяка мне тошно.

Аббас-Али медленно отошел.

Оглянувшись по сторонам, Аскер-Али задумался.

Эта цветущая, живописная деревня принадлежала ему. Ежегодно он вносил в казну установленную плату. А дальше, чтобы он ни творил, как не измывался над крестьянами, никому до этого не было дела. Эта трава, эта зелень, это раскинувшееся над селом голубое небо, эти строения, эти девушки с яркими, как мак устами, чьи нежные голоса доносились из-за плетня у родника — все, все принадлежало ему. Вот уже месяц, как он находился в поездке, и только три дня тому назад вернулся в деревню. В день приезда он немного разгорячился. Крестьяне были оставлены без надзора, староста и юзбашы, занятые увозом и похищением девушек, бросили крестьян на произвол и те немного распустились.

Странен был этот первый день... Первый день приезда Аскер-Ага в деревню... Голодранец, полуниний Гусейн Али, застав свою дочь беседующей с ним у источника, с бранью и побоями увлек ее домой. Даже не поклонился... Даже не поздоровался... Вдобавок за то, что она разговаривала с ним, прибил дочь... Ну, вот... вот снова показались козы Аскер-Али... Дикие козы наступили и овладели его большим мозгом. И тотчас он объявил, что по распоряжению верховной власти наложен новый сбор. Все безземельные крестьяне обязаны платить за воду.

— Да будет долговечна жизнь барина, за что надо платить?

— Эй, вы, ну-ка, бейте того, кто подвергнул слова господина сомнению и переспросам!..

Гусейн Али избил до того, что он заговорил по-лезгински! *)

Однако и на следующий день гнев Аскер-Ага не остыл. Кто такой, что из себя представляет Абдул Али, что посмел вчера вечером не прислать ему молока?

На утро Аскер Ага приказал, чтоб Абдул Али предстал перед ним.

— Эй ты, подлец, почему вчера не доставил молока?

— Да сохранит аллах барина. Клянусь жизнью детей, без моего ведома мать ребят (шек **) заквасила все молоко, если угодно, я пришло кислое молоко?

*) Народное выражение: стал издавать нечленораздельные звуки.

**) Сказать слово «жена» перед посторонними считалось неудобным.

— Возьми и вымажь им голову матери твоих детей. Убирайся с моих глаз, собачий сын!

Вот... вот... опять... опять надвигаются козы Аскера-Ага... Дикие, необузданные... они скачут, наступают и овладевают его мыслями. И тотчас он объявляет, что по распоряжению власти необходимо сделать новое обложение. Все безземельные крестьяне должны уплатить Николаю налог на коров.

— Ага, а как с телятами?

— Эй вы, бейте того, кто посмел задать вопрос!

И Абдул Али довели побоями до состояния Гусейн Али.

И в тот же день, т. е. вчера собрали с крестьян налог за коров...

Вдруг Аскер-Ага поднял голову и стал прислушиваться. Опять доносится тот же стон. Стон напомнил ему, что он послал Аббас-Али за едой. Приложив ладони к ушам, он зажмурился:

— Аббас-Али!

Стоны мгновенно прекратились. Послышался басистый голос Аббас-Али:

— И-и-д-у-у, барин!

Аббас-Али бежал. В руках у него ничего не было, однако, он улыбался.

— Эй, малый! В чем дело? Почему ты вернулся с пустыми руками, а сам смеешься?

Нагнувшись к Аскер-Ага, Аббас-Али тихонько шепнул:

— Ага! вчерашняя-то опять пришла. Ждет дома.

С помощью Аббас-Али, Аскер-Ага поднялся с места.

Когда он выходил из дома, солнце склонилось к горизонту. Взглянув на возвращающихся из-за горы и согнувшихся под тяжестью огромных вязанов хворосту крестьян, он приказал:

— Аббас Али! Мне очень жаль сельчан, пойди объяви старшине, чтобы собрал их. Я хочу им речь сказать.

— Ага, что хочешь ты им дать?

— Эх ты, бестолочь, бестолковая. «Лаб-лаби раздать... вот что. Лаб-лаби» *).

В мгновение ока Аббас-Али исчез.

— Послушайте, что стало с барнином, что он ни с того, ни с сего, вздумал раздавать нам лаб-лаби?

*) Жаренный горох.

лился на камень и потрясая дубинкой, он крикнул изо всей мочи:

— Братья! Крестьяне! Аскер-Ага ровесник моему сыну. Однако, не взирая на мою старость, он собирается лишить меня дыхания. Я постарел. Если бы я был молод, одним ударом свалил бы тысячи таких бегов, как Аскер-Ага.

Теперь вся наша надежда—вы молодежь! Не допустите, чтоб они лишили дыхания наших бедных сирот. Молодежь, ступайте... ступайте! Пойдите, сотрите их с лица земли. Испепелите, убейте, уничтожьте, избавьте нас... Довольно... довольно, братья! «Когда вода подступает к горлу, обезьяна карабкается на своего детеныша». Не дайте им задушить нас.

— Спутайте....

Слезы затуманили глаза старика. Судорожные рыдания стиснули горло. На многовечные крестьяне притихли. Затем почему то тихо вскрикнули и все разом, как безумные бросились бежать.

Они разгромили дом Аскер-Ага. Он был пуст... Обыскали все кругом, но никого не нашли.

Двор был пуст...

Внезапно, издали донесся стон. Все кинулось туда...

В кустах лежала женщина и тихо стонала. Завидя крестьян, она хотела приподняться, но была бессильна. С трудом указав рукой в сторону извивающегося шоссе, сказала тихо:

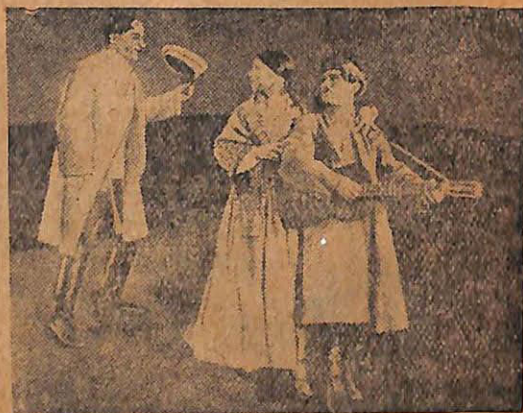
— Туда, убежали... Все убежали!

Бросив взгляд в сторону пылающего дома, крестьяне глубоко, радостно вздохнули, а затем весело разошлись по домам. Воздух был так чист и свеж... Дышалось так легко и свободно.

Перевела С. БЕГЛЯРБЕКОВА.

Сцена из пьесы «Платон Кречет»
Постановка БКРТ.

Сцена из пьесы «Гроза».
Постановка БКРТ.